Выходитъ що пятницы во Львовѣ. Цѣна на рокъ съ почтою 4 зр. 40 кр. ср. полр. 2 злр. 20 кр. чвертр. 1 злр. 10 кр. на мѣстци 4 злр.

ЗОРЯ ГАЛИЦКА

Предплата отбираетъся въ бюрѣ дирекціи книгопечатной Института Ставропигіяньского.

ПИСЬМО ПОСВЯЩЕННОЕ ЛИТЕРАТУРѢ И ЗАБАВѢ.

ЧИСЛО 16. Львовъ, 13 Цвѣтня 1856. РОКЪ IX.

ПѢСНЯ О ЧЕРВЕНЦЯХЪ

(Послѣ Гайного).

Скажѣтъ менѣ зорки ясны!
Где червенцы дѣлись красны?

Чи гуляютъ тамъ съ рыбками
Золотыми, по ручаю,
По глубокомъ по дунаю?

Чи межь райскими пташками
Въ чудныхъ гнѣздахъ гдесь осѣли
За туземскіи предѣлы?

Чи межь дивными цвѣтками
На золотой оболонѣ?

Чи на синомъ небосклонѣ
Межи вами зорочками
Тому свѣтятъ кождой ночи,
Кто числити гроши хоче?

О червенцы наши красны
Вы не тамъ где зорки ясны,
Ни межь райскими пташками
Золотыми рыбочками;
Ни цвѣтками вы зацвили;
Нѣтъ! въ панчохи васъ зашили!
Въ скриняхъ у тайныхъ комнатъ
Жиды въ когтяхъ* васъ держатъ.

Е. Згарскій.

ДОБРО ТОМУ, КОМУ БОГЪ КУМОМЪ.

Народная повѣсть изъ хорватского.

(конецъ).

Теперь пришелъ въ городъ къ королю, который имѣлъ прокаженную дочку. Радостно прїймаючи выпытовалися его, що змѣя ему говорила. Ивась все розповѣлъ. Тогда король не задержуючись взялъ съ собою дочку до церкви, тутка велѣлъ подъ сходами великого олтаря копати, и въ самомъ дѣлѣ гидкую та великую мовь кошель жабу найдено. Ивась скочилъ, выдобылъ ножикъ, та шахнулъ по хребтѣ, скорка роздвоилась, а св. тѣло въ серединѣ заблисло. На тое приступилъ священникъ, взялъ пресв. тѣло, поклалъ въ свѣжую воду, а вынявши подалъ королевской дочцѣ, которая нимъ причастилася. И се диво! отъ того часу счезла съ ней проказа якъ бы луска при скребтанью рыбы.

Тогда отецъ ея возрадовался, и взявши Ивася подъ руки ввелъ въ свой городъ; потомъ щобъ тое дѣло надуложити, давалъ кромѣ половины своего королевства еще свою дочку ему за жену. Но Ивась не соглашался съ такимъ предложенїемъ, та извинялся тѣмъ, що онъ вже имѣетъ оулюбленную голубку, та що лишь тое дѣлалъ для самой любви христїанской. Шлышавши тое король дуже засумовался, що Ивась нехотѣлъ коло него остатись; но за тое богато его одарилъ и сердечно ему поблагодарилъ, та добрый кусень дороги сопровождаючи красненько съ собою розсталисъ, предъ тѣмъ еще поцѣ-

* когти или шпоны (Klauen)

ловавшись въ бѣлыи лица. Такъ попращалсѧ Ивась и съ тѣмъ королевоствмъ. Тȣтка досталъ въ подарокъ три возы золота и три серебра, полно розличной величины и множество слȣгъ. Опѧть продолжалъ свою пȣть съ крѣпкимъ оупованїемъ въ Бога, которомȣ на всегда порȣчилсѧ и въ каждомъ слȣчаю истиннȣю славȣ и благодаренїе отдавалъ, итакъ пришелъ въ оное королевство, где король имѣлъ грȣшȣ съ золотымъ овощемъ.

Прибывши до королѧ виталъ онъ его съ оупоительнымъ наслажденїемъ и ꙗко сына сердечно обнѧлъ. Ивась розсказалъ причинȣ, чомȣ грȣша сохла, а король тотъ часъ повелѣлъ ꙗмȣ копати. И въ самомъ дѣлѣ подъ коренемъ грȣши найшли золотый ланцъ на десѧть сѧжни долгїй, которого вынѧли и ꙗмȣ землю снова засыпали. Завтрѣшнього днѧ когда грȣша черезъ ночь вже золотымъ овощемъ зародила, оувидѣлъ тое король, поблагодарилъ Ивасеви про тȣю милость и преобильнымъ подаркомъ его почестовалъ. Тогда отправилсѧ Ивась дальше и пришелъ къ млынȣ, где нѣкогда весело гȣлѧлъ въ нѣдрахъ старика своего поотчима, и тȣтка засталъ Ꙗкока еще при житью, который весь отцевъ маетокъ прошасталъ и промоталъ, та въ крайней нȣждѣ вже находилсѧ. Отъ тѣхъ даровъ, которыи имѣлъ подостаткомъ далъ емȣ Ивась великȣю часть, а напоминаючи его, щобъ дѣѧтельнȣю и честнȣю жизнь провадилъ, отошелъ къ своемȣ королевствȣ, где его родители и любезнаѧ Магдалина жили.

Сердце емȣ отъ радости тьохкало, когда къ милой хатѣ сближалсѧ; но по части также и засȣмовалсѧ, щобъ недай Боже! емȣ Магдалина не проневѣрилась, или родители не померли, или що иного непрїѧтного не сталось. Наконецъ прибылъ въ родимый городъ своего отечества. Малыи и великїи отъ разȣ его спознали, та чȣдовались великомȣ его богатствȣ и сїѧтельномȣ сопроводȣ, — все изȣмлѧлось надъ нимъ, о которомъ вже мыслили, що давно гдесь въ водѣ оутопилсѧ, или отъ голода загинȣлъ. Ивась все сердечно виталъ и сей часъ недоходѧчи еще города пыталсѧ за родичами и Магдалиною. За родичи говорено емȣ, що сȣть здоровы; а за Магдалинȣ, що емȣ вѣрна осталась. Ивась оуслышавши тое незналъ що отъ радости дѣлати. Скоро поспѣшилъ онъ къ королевской палатѣ и показалъ королю не три, но чотыре змѣевыи пера — дорогȣю цѣнȣ за свою Магдалинȣ! Все розповѣлъ королю, що съ нимъ сталось, а оупавши передъ нимъ на колѣна заклиналъ его живымъ Богомъ, щобъ въ оусовершенїе его счастьѧ свою Магдалинȣ емȣ за женȣ далъ. Король радостно тое принѧлъ и величаючисѧ своимъ бȣдȣщимъ затемъ тѣмъ больше, понеже Магдалина всѣмъ женихамъ о ею рȣкȣ старавшимсѧ отмовила и вже хотѣла незамȣжна остатись, — отвелъ его до комнаты своей дочки. Восхитительна таѧ радость, которȣю два сердца послѣ долгого времени почȣвствовали, не даетьсѧ описати. Король самъ былъ троȣтый до слезъ и немогъ сердце свое преодолѣти — та лишь слȣчилъ рȣкȣ Магдалины съ Ивасевою и благословилъ ихъ. За нѣкїй часъ отбылось торжественное веселье въ королевскомъ дворцȣ; король далъ Ивасеви кромѣ неизмѣримого сокровища еще половинȣ королевства своего, щобъ нимъ володѣлъ; а въ слȣчаю смерти опредѣлилъ его своимъ наслѣдникомъ. Такъ исполнилась волѧ божаѧ, що дитѧ тогда родилось, когда на небѣ королевскїй вѣнецъ по-

казался. Ивась взялъ потомъ родичи къ собѣ, пропиталъ и ходилъ коло нихъ до самой старости, а къ своемъ сожитїю жилъ мирно и счастливо еще многїи а многїи лѣта. — Такъ бываетъ томѹ, комѹ Богъ есть кѹмомъ!*

Никола Гуцулъ.

БОꙖНЪ ПѢВЦЯ ИГОРЕВОГО ЄСТЬ ЇОАННЪ НЕСТОРОВЫЙ.

Въ 42 числѣ Краковского Часѹ съ года 1855 находимъ слѣдѹющое: „Дневникъ Варшавскїй оумѣстилъ историческо-литературныи оустѹпы, сочиненныи Г. Прѹсиновскимъ, межи которыми читаемъ и оустѹпъ о поемѣ Слово о полкѹ Игорекомъ, гдѣ въ приведенной розправѣ россїйского сочинителя, А. Вельтмана, находимъ доказательства, заперечающїи сѹществованье Боꙗна. Що Г. Бѣльовскїй, который сїе Слово на Польскїй ꙗзыкъ перевелъ, познѣйше къ томѹже мнѣнїю такожь приклонился, чѹли мы изъ его собственныхъ оустъ. Но послѹхаймы, ꙗкъ А. Вельтманъ тѹю рѣчь изъꙗснаетъ:"

„Сказано въ словѣ о полкѹ Игоревомъ, що Боꙗнъ пѣснь спѣвалъ старомѹ Ꙗрославѹ, храбромѹ Мстиславѹ и красномѹ Романови... Такъ очевидно, що оный пѣвецъ Боꙗнъ былъ современникомъ Нестора, що Несторъ мѹсѣлъ его знати. Однакожь Несторъ не оупоминаетъ Боꙗна, говоритъ только о Їоаннѣ (Ꙗнѣ), скончавшомся 1106 въ 90 годѹ житья, добавляючи, що чѹлъ отъ него много словесъ, который записалъ до своей лѣтописи... Такъ тотъ Їоаннъ, оумершїй г. 1106, былъ пѣвцемъ. Стараймыся оувѣрити, чи Боꙗнъ и Їоаннъ не сѹть одною особою?... Въ старословянскомъ ꙗзыцѣ словечко „бо" было въ великомъ оупотребленїи. Въ самомъ словѣ о полкѹ Игоревомъ повторяется оно многократно... Затѣмъ кажется быти несомнѣнною истиною, що переписѹющїй рѹкопись Слова соединилъ словечко бо съ именемъ собственнымъ, откѹдѹ сотворился нынѣшнїй Боꙗнъ. Сровнаймо слѣдѹющїи выписки изъ Слова: „Не по замышленїю бо-Ꙗню... Вѣщїй бо-Ꙗне, Велесовъ внѹче!.. Рекъ бо-Ꙗнъ... Вѣщїй бо-Ꙗнъ и прѣвое припѣвкѹ смысленный рече"... Скорожe переписчикъ — невѣжа разъ вообразилъ собѣ, що вмѣсто Ꙗнъ, належитъ писати бо-Їанъ, то и въ иныхъ мѣстцахъ, где оупоминалось о Їоаннѣ, перемѣнилъ на бо-Ꙗнъ, и такъ: вмѣсто Їоанъ бо вѣщїй, писалъ Боꙗнъ вѣщїй и т. п."

„Заключаю словами Г. Вельтмана: Єжели тожество Боꙗна и Несторового Їоанна справдится, то черезъ то подтвердится о много подлинность Слова о полкѹ Игоревомъ. Ибо сочинитель того Слова живѹчи несполна къ 100 лѣтъ по смерти Несторового Їоанка, могъ еще знати изъ оустъ народа пѣсни его о подвигахъ князей; или можетъ быти такожь былъ тогда ꙗкїй писанный сборникъ стародавныхъ преданїй."

Такъ ГГ. Прѹсиновскїй и Вельтманъ догадываются: во первыхъ, що Боꙗнъ и Їоаннъ Несторовый сѹть одною и тоюже особою; во вторыхъ, що названье Боꙗнъ произошло отъ невѣжества переписчика, ко-

* Помѣстилисьмы тѹю народнѹю повѣсть хорватскѹю для оудивительной сходности ея съ нашою галицкою: впрочимъ имѣетъ она высшїй смыслъ ꙗкъ тотъ лишь простой забавы, въ повѣстяхъ во такихъ ꙗкоже и въ пѣснахъ народныхъ оглядается мовь къ зеркалѣ дѹхъ, значенїе, мысль, логика народа, — томѹ радо бѹдемъ помѣщати дописи такого родѹ, и оупрашаемъ разомъ всѣхъ нашихъ родимцѣвъ тѣ облогомъ лежащїи сокровища письмомъ обнародовити. (Прим. Ред.)

торый переписуючи рукопись Слова соединилъ союзъ во съ именемъ собственнымъ Янъ (Іоаннъ). Нехайже будетъ мнѣ вольно открыти мое мнѣнїе о Боянѣ, нашомъ соловїи нашого старого времени, который возложивши свои вѣщїи персты на живыи струны розтѣкался мыслїю по древу, сѣрымъ волкомъ по земли, сизымъ орломъ подъ оболоки; которого самая сгадка уже приводитъ въ восторгъ потомковъ, розмышляющихъ надъ пѣвцами и былинами древнихъ временъ; которого житье и бытье справедливая любопытность не только Русиновъ, но и иныхъ Славянскихъ племенъ, ба и иноплеменниковъ надармо доселѣ усиловалась изъ непроникательнои темравы старинныхъ временъ выдобыти

Относительно первого положенья приклоняюсь на сторону выше упомянутыхъ сочинителей и утверждаю положително: Боянъ, которого упоминаетъ пѣвецъ Игоревый есть той самый Іоаннъ, о которомъ говоритъ Несторъ. Для чого? Ибо во первыхъ, по словамъ пѣвца Игоревого пѣлъ Боянъ храброму Мстиславу (ум. 1054), старому Ярославу (ум. 1036), красному Романови (ум. 1079); слѣдовательно былъ онъ иль современникомъ тѣхъ князей, иль жилъ позднѣйше. Ежели Боянъ былъ современникомъ тѣхъ князей, то очевидно былъ и современникомъ лѣтописьца Нестора, который родился 1056 а скончился 1111. Несторъ знать упомянулъ бы въ своей лѣтописи Бояна, такъ славного, современного собѣ пѣвца. Но Несторъ незнаетъ нїякого Бояна, а говоритъ только о Іоаннѣ, который скончался 1106 г. въ 91 году своего житья и былъ современникомъ оныхъ князей. Еще кажетъ Несторъ, що слышалъ отъ того Іоанна много словесъ (пѣсней, повѣстей), которыми при составленїю своей лѣтописи пользовался. Затѣмъ Боянъ, ежели былъ современникомъ Нестора, можетъ быти только онымъ Іоанномъ Несторомъ. Ежелибы Боянъ пѣнь онымъ князамъ по смерти Нестора (1111), то неохибно воспомянули бы о немъ продолжатели Несторовои лѣтописи. А понеже до времени похода Игоревого (1185) и словечка о Боянѣ не находимъ, то съ вѣроятностью заключити можемъ, що Боянъ есть то Іоаннъ Несторовый. Тое заключенье есть не только правдоподобное, но и несомнѣнная правда.

Ибо во вторыхъ Сочинитель Слова описуючи приготовленье Игоря Святославича, князя Сѣверо-Новгородского, въ походъ на Половцовъ (1185) говоритъ такъ: „Тогда Игорь възрѣ на свѣтлое солнце и видѣ отъ него тьмою вся своя воя прикрыты. И рече Игорь къ дружинѣ своей: братїе и дружино! луцежъ бы потяту быти неже полонену быти! А всядемъ, братїе, на свои бързыя комони, да позримъ синего Дону!... Хощу во копїе приломити конець поля Половецкаго съ вами Русици, хощу главу свою приложити, а любо испити шеломомъ Дону." И сею бесѣдою смѣлого ироя восхищенъ воспеваетъ пѣвецъ мыслїю въ время Бояна и въ восторзѣ промовляетъ до него далѣе: „О Бояне, соловїю старого времени! Абы ты сїя плъки ущекоталъ, скача славїю по мыслену древу, летая умомъ подъ облаки, свивая славы оба полы сего времени... Пѣти было пѣсь Игореви, того Ольга внуку!" Тутъ пѣвецъ Игоревый, сочинившїй свое Слово при конци 12 столѣтїя, называетъ Бояна соловїемъ старого времени. Не старое ли время для пѣвца Игоревого конецъ 11

и самое начало 12 столѣтїѧ, въ которое времѧ жилъ Їоаннъ Несторовый? Чижь не хорошо пристаютъ Несторовомȣ Їоанновы слова: свиваѧ славы обаполы сего времени?" О Боѧне! восклицаетъ пѣвецъ Игоревый, кобы ты Игоревыи полки воспѣлъ, скачȣчи соловїемъ по деревȣ, лѣтаючи оумомъ подъ облаки, свиваючи славȣ обохъ половинъ того вѣка, т. є. первои половины 12 столѣтїѧ, въ которой Їоаннъ Несторовый скончалсѧ и второи половины 12 столѣтїѧ, въ которой пѣвецъ Игоревый жилъ. А далѣе:" Пѣти было пѣсь Игореви, того Ольгѧ внȣкȣ!" Длѧ чого пѣвецъ Игоревый кажетъ того Ольга, коли въ предидȣщомъ о Ользѣ ни словцемъ не воспомѧнȣлъ? Знать не безъ причины мѣстоименье того положилъ. И истинно, ибо смыслъ есть: Пѣти было тобѣ Боѧне Игореви, внȣкȣ того Ольгѧ, которомȣ ты ꙗко современникъ пѣлъ, Олегъ бо Свѧтославичь, дѣдь Игорѧ Свѧтолавича скончалсѧ 1115 года, затѣмъ въ 9 лѣтъ по смерти Їоанна Несторового. Такъ кромѣ всѧкого сомнѣньѧ есть Боѧнъ не иный кто, ꙗкъ Їоаннъ, о которомъ Несторъ въ лѣтописи своей воспоминаетъ, що слышалъ отъ него много словесъ. (П. с.)

О СУЕВѢРІЮ МОРЛАХОВЪ.

(продолженье).

Шїю недȣжной обвинȣли хȣстками въ крови намачанными, которыхъ барва разительно не сходилась съ бѣлыми, до полъ обнаженными раменами несчастной Равы. Небавкомъ отойшли всѣ, а ꙗ самъ осталъ сѧ съ домашними.

Хороба была долга; Рава лѧкала сѧ сближающой сѧ ночи и просила, щобы кто стерегъ ей. Понеже родичи оутрȣженныи дневною працею не могли такъ безпрерывно бдѣти, просиль емь, що бы ꙗ могъ коло ней сидѣти, що съ вдѧчностею принѧли. Никогда не забȣдȣ той ночи, минȣвшой при ней; по найменшомъ шелестѣ, найменшомъ протѧгȣ воздȣха, дрожала изъ страхȣ на всемъ тѣлѣ. Если на хвилькȣ оуснȣла, конопадили ею страшныи сновидѣнїѧ, пробȣжала сѧ часто съ прошибательнымъ крикомъ. Когда вже сонъ малъ сълѣпити ей повѣки, говорила къ менѣ: „прошȣ тѧ, не заспи; возьми въ однȣ рȣкȣ рожанецъ а въ дрȣгȣ тотъ долгїй ножь, и бдѣ надъ мною." Не разъ сновь не могла иначе оуснȣти, ꙗкъ державчи мене за рȣкȣ. Ничо не могло освободити ею отъ такъ чорныхъ мыслей ꙗкїи безпрерывно мȣчили ею. Боѧла сѧ безпримѣрно смерти, и мнѣла себе за погибшȣю, хотѧй всѣ силились ею потѣшати. По нѣсколько днѧхъ дȣже съсохла, оуста ей побѣлѣли, а чорны велики ей очи набрали несвычайного блескȣ. Не могъ емь позрѣти на ню безъ сожалѣнїѧ. Старалъ емь сѧ залагодити ей мѧчню, входѧчи въ ей мысли, но несчастьемъ потерѧлъ емь ей довѣрїе, жартȣючи собѣ въ началѣ зъ ей сȣевѣрности. Не поладилосѧ менѣ про тое оусилїе, що бымь передъ нею за чаровника могъ оуходити, понеже спасти ею могло лишь тое; отъ сей хвили состоѧнїе ей почало горьшитисѧ чимъ разъ больше, а больше. Днемъ передъ смертїю своею озвалась до мене. Оумираю изъ властной вины. Одинъ молодецъ хотѣлъ мене выкрасти,* но ꙗ откинȣламь его просьбȣ желаючи, щобы въ попередъ принесъ менѣ сребрный ланцȣшокъ. Пойшолъ онъ до

* Такъ по найбольшой части, Морлахи свѧтатись навыкли.

Мареска, желаючи тамъ его кѹпити, а через тотъ же самъ часъ попалъ сѧ тѹтъ опырь; но когда бы ꙗ не была дома, былъ бы онъ може забилъ матерь мою, а такъ лѹчше сѧ стало.“ На вторый день прикликала отца, и просила абы ей по смерти сей часъ отталъ головѹ, щобы опыремъ не оучинилась. Оустискала послѣ того матерь свою и просила ею, щобы пойшла посвѧтити рожанный вѣнецъ на гробѣ одного зъ свѧтыхъ въ отдаленїю отъ села, и щобы его назадъ принесла. Величалъ емь нѣжныи чѹвства той дѣвчины, котора въ томъ инѹю цѣль не имѣла ꙗкъ тѹю, отдалити матерь и ощадити ей оужасный видъ смерти, которой близость чѹвтвовала. Съ великою покойностею причащалася; а по двохъ или трохъ годинахъ, отдыхъ ей сталъ сѧ трѹднѣйшимъ, а очи столпомъ стали. Напрасно похопила отца своего за рѹкѹ, ꙗкъ бы притѹлитисѧ до него желала — и оумерла. Недѹга ей тревала съ всемъ одинадцать дней. Що за оужасне слѣдствїе сѹевѣрїѧ!... Нѣсколько годинъ по ей смерти спращалъ емь сѹмне тое мѣстце.*“ Хованецъ есть то шибающїй сѧ дѹхъ во видѣ хлопца, съ червоною шапочкою на головѣ, веселый примхочатый и красный. Свычайно бываетъ онъ оу тѣхъ газдъ, которыи богатѣютъ. Онъ есть дѹже оуслѹжный и скѧпный, присбирѹетъ каждый день гроши и ѣсть несоленѹю стравѹ.

Манинорго есть то опѹдъ во видѣ осла. Псота его подобаетъ до той „Goubelina“ въ Нормандїи. Онъ по волѣ великимъ или малымъ сдѣлатисѧ можетъ, и лихопадитъ свойственнымъ способомъ всѣхъ, которыи лишь садѹтъ на него. Если найдетъ ѣздца, то летитъ съ нимъ, ажь поколь невергнетъ о дерево или о дахъ, либо пѹскаетъ его въ охабѹ, та где ꙗке озеро, дѣлаючись напрасно малымъ, или счезаючи совсемъ.

Страхи изображаютсѧ послѣ мѧчни и боязни каждого. Обыкновенно сѹть они въ бѣлое простирало загорнены, нѣмы стогнаючи и зойкаючи. Если не запытати сѧ ихъ то молчатъ, если заклѧсти ихъ, то озвѹтсѧ и скажѹтъ, чого желаютъ.

(к. с.

* Rozmaitości Warszawskie N. 47 z roku 1828.

КАРТАРЪ

образецъ изъ жита городского.

(продолженіе)

Корнилїй страсъ сѧ, ꙗкїйсь лѧкъ завладѣлъ сердцемъ его и оумомъ; пистолетъ выпалъ зъ рѹки, подалъ сѧ взадъ, а оперщись о столикъ стрѹтилъ порохъ; тожь и розсѣѧлъ сѧ по землѣ — по подлозѣ. Дивно оучинилосѧ Ганѣсѣ, когда побачила тое стоѧла держачи листъ въ рѹкахъ, незнаючи ꙗкъ и що промовити.

Въ первой хвилѣ немогъ несчастливый молодикъ промовити и слова, но за часокъ почало въ немъ тьохкати сердце скорше а скорше, лица заполонѣли слабымъ рѹмѧнцемъ; съ розторгненнымъ оумомъ запыталъ онъ дѣвочкѹ:

— Чого хочь? — отъ кого, и зачимъ тѹтъ?

— Ось листъ, отказала сѹмно затревоженна дѣвочка.

— Съ выразомъ горькости отобралъ Корнилїй письмо, и скивнѹлъ, щобы отойшла прочъ.

Ще больше затревоженна, несмѣлива озватись, отойшла съ обавными гадками Ганѣсѧ, сама себе попытаючи: що за

вѣсть принесеть своей паннѣ?

Корнилїй пȣстилъ сѧ запирати двери, не перечитавши листȣ погадавши, що вже досыть длѧ него грыжи и выпоминокъ; ажь и попавши напрасно ꙗкось на онакшȣ гадкȣ, здержалъ сѧ „Ꙗ чи не отъ Розалїи листъ тотъ?" подȣмалъ онъ собѣ познавши по характерѣ написи бабскȣю рȣкȣ. Отворѧетъ, кȣпка банкнотовыхъ грошей выпала зъ листȣ, здȣмѣлъ сѧ недовѣрѧючи очамъ своимъ. Бажливо перейшолъ очима невыразно написанны строчки письма, и ꙗкъ бы отродилъ сѧ, сталъ сѧ, инымъ человѣкомъ, радостею засїѧли его очи.

— Можежь то воистинно быти? Розалїѧ не цȣрѧетсѧ мною; желаетъ спасти мѧ и молитъ, заклинаетъ на Бога, щобымь опамѧталъ сѧ. Ꙗ дȣмалъ, же нѣтъ, нѣтъ живой дȣши на всемъ свѣтѣ, котора бы мене знечестенного, оганьбленного могла еще любити и спасающȣ рȣкȣ колебающомȣ сѧ надъ безодневь могла подати. О милостивый Боже! га — що за оужасне рѣшенье понѧлъ ꙗ! чижь долженъ ꙗ самъ собѣ житье отобрати, коли ꙗ самъ себе не осȣществилъ? Чорное, мерзкое, сотонское дѣло. Прочъ гетъ ты погибельнаѧ машинко! торкнȣвши зъ всей силы ногою пистолетъ, що ажь о стелю оударилъ онъ трѧсȣчись; тебе то лȣкавый человѣкъ обдȣмалъ снарѧдити, сотонѣ на розсвѣтъ, а людамъ на зайдисвѣтъ. Що за мерзкаѧ недȣга! страдай, поноси и найтѧжшїи боли, нечесть и ганьбȣ; крѣпкїй дȣхъ ободрѧетсѧ терпѣнїемъ, недȣжный подасть сѧ!

Такъ розговорилъ сѧ былъ Корнилїй, и ꙗвши за капелюхъ сей часъ рѣшилъ сѧ пойти до Малчинскихъ.

X.

Ꙗкось сȣмно, невесело въ комнатѣ оу Малчинскихъ. Старый повернȣлъ сѧ домовь и запросилъ до себе адвоката, которого не засталъ былъ дома, но стрѣтилъ на проходѣ. Малъ онъ предложити емȣ новыи обстоѧтельства, зайшовшїи въ его справȣ, которыи обвѣстилъ емȣ комиссарь его листово; задлѧ чого то онъ принȣжденъ былъ отложити отъѣздъ свой на позднѣйше. Скоро войшли лишь въ комнатȣ, застали Розалїю сȣмнȣ и задȣманȣ. Тожь не минȣло сѧ безъ того, щобы не сойшла бесѣда на Корнилього. Панъ Малчинскїй гнѣвно изъѧснѧлъ господинȣ адвокатȣ все дѣло, спрашаючи на конецъ, ꙗкъ бы то собѣ съ нимъ въ томъ слȣчаю зарѧдити.

— Ага! томȣ то онъ днесь не былъ въ канцеларїи; озвалъ сѧ адвокатъ, мȣжчина середного зростȣ, крȣглыхъ лицъ, отзначаючихъ сѧ чертъ, присадковатый, до половины вилысѣлый, и посивѣлый, въ чорномъ палетотѣ, съ окȣлѧрами. Но, но, заѧкъ ꙗ его знаю, то онъ честный оуталантованый хлопакъ. Правда же легкодȣшный, бо молодый; тожь и не диво!

— Ей ꙗкъ то господине адвокате! прерываючи бесѣдȣ озвалсѧ съ неȣдовольствомъ Малчинскїй. Божь мы не были молодыи? если бы онъ не былъ вѣтроловомъ, а подобалъ на люди, вѣрьте менѣ! не допȣстилъ бы сѧ такой ганьбы; но коли онъ ледащо, гȣлѧка, не знаетъ ни чожого шановати, тожь и не дивъ же пропилъ та програлъ чȣжихъ 500 золотыхъ ренскихъ

Панна Розалїѧ палала изъ жажды отозватисѧ на тое, но выпередилъ ею въ томъ адвокатъ.

— Господине Малчинскїй! не сȣдѣтъ же такъ лихо о молодыхъ людехъ; и мы грѣшныи вдармы сѧ искренно въ грȣди,

и на насъ найшлобы сѧ щось вповѣсти. Отъ шкода хлопца! спасѣтъ его отъ такъ лихой коллизїи, а бȣдете простикогъ мали.

Малчинскїй хотѣлъ сновь выстȣпити съ новыми перорами, но адвокатъ не даваючи прерывати собѣ бесѣдȣ, съ всею приличною емȣ повагою, сталъ въ оборонѣ своего депендента, Вже самое обстоѧтельство принȣждало его оунѧтись за нимъ, когда попереднѣйшо толико разовъ захвалъ Корнилього передъ Малчинскимъ. Требовало то долгой и крѣпко пресвѣдчаючой бесѣды, закимъ далосѧ Малчинскомȣ вговорити, що онъ не есть еще такїй пȣстакъ и такъ здеморализованный, щобы ажь цȣратисѧ нимъ должно. Адвокатъ знамагалъ весь свой розȣмъ, всю дїалектикȣ, ажь и договорилъ сѧ до того, що Малчинскїй оузналъ Корнилього за обманенного безчестными ошȣстами.

— А бачите господине Малчинскїй, ꙗкъ то должно напередъ добре обдȣмати, а потомъ сȣдити, озвалъ сѧ на конецъ съ оудовольствомъ адвокатъ.

Когда Малчинскїй ничь не отказалъ на тое, радостно споглѧнȣла Розалїѧ на адвоката, ꙗкъ бы жаркимъ своимъ глипомъ всю вдѧчность емȣ изповѣсти желала.

Въ томъ отворилисѧ двери, и несмѣливо змѣшанный присȣтствїемъ адвоката войшолъ Корнилїй.

— О господинъ Терехтарскїй! господинъ Корнилїй скрикнȣла радостно Розалїѧ, и поскочила къ немȣ.

— На тое такъ радостно принѧтїе изъ стороны той, котора желала и силилась спасти его, не могь онъ здержатисѧ больше: Оупавши на колѣно, несрозȣмѣтельныи слова производилъ онъ. Розалїѧ поднесла его, а въ той же самой хвилѣ озвалъ сѧ и панъ адвокатъ:

— Отъ поблагословѣтъ ихъ отче!

— Та щожь дѣлати; господи Боже благослови ихъ! озвалсѧ розвеселенный Малчинскїй, на которого не зъ одного взглѧдȣ великȣю силȣ мало влѣѧнїе адвоката.

Корнилїй самъ собѣ не довѣрѧлъ где и що съ нимъ.

— Отъ бȣдетъ хорошаѧ парка, потираючи рȣкȣ мовилъ адвокатъ.

— Счасть имъ Боже! отказалъ Малчинскїй.

— О неотокменныи добродѣи мои! скрикнȣлъ Корнилїй, хотѣвши оупасти до ногъ Малчинскомȣ, который здержалъ его, и простѧчи все, оуцѣловалъ въ чело ꙗкъ блȣдного сына.

— Теперь же вина на тое господине Малчинскїй! ꙗ вамъ за старостȣ бȣдȣ, прододжалъ адвокатъ.

— Такъ, по спорой часѣ горести, ꙗ солодкого допилъ сѧ говорилъ Корнилїй.

— Одно съ дрȣгимъ; безъ солодко смакȣ бы не мало, отповѣлъ честный панъ адвокатъ.

И однимъ дȣхомъ радостно, весело оучинило сѧ по комнатахъ оу Малчинскихъ. Господарь запросилъ нѣсколько сосѣдъ, а тогожь вечерѧ отбыли сѧ зарȣчины Корнилього съ Розалїевь.

— Дай намъ Боже счастливо дождатись весельѧ озвалъ сѧ Малчинскїй съ чашою вина.

— Дай намъ Боже! воскрикнȣли всѣ и отдались безпрерывной забавѣ.

(к. с.)

Тупомъ Института Ставропигїанского. Редакторъ Николай Савчинскїй.